

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИЛИЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1920-х ГОДАХ

Е. А. Зверков

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 10 мая 2023 г.

Аннотация: правоохранительная система Советского государства складывалась в исключительно сложных социально-экономических условиях, на которые наложились жесткие идеологические рамки и специфичное видение милиции как вспомогательной по отношению к исполнительным органам власти структуре. Взгляд под таким углом влиял и на подбор кадров, и на систему взаимоотношений между губернскими/уездными исполкомами и милицией, и на перечень обязанностей, не связанных с правоохранительной деятельностью, но возлагаемых последними на милиционеров. Целью работы является реконструкция основных проблем, связанных с осуществлением милиционерами своей профессиональной деятельности в период после Гражданской войны – времени, к которому можно смело говорить о существовании устойчивой милицмейской системы. В результате сформирован вывод о неоптимальном подходе органов местной власти к регулированию повседневной работы и формированию правоохранительных органов, вследствие чего их возможности оказались в значительной мере ограничены.

Ключевые слова: милиция, уголовный розыск, Центральное Черноземье, НЭП, ВКП(б), история органов внутренних дел.

Abstract: the law enforcement system of the Soviet state was formed in extremely difficult social and economic conditions, which were imposed by a rigid ideological framework and a specific vision of the militia as an auxiliary structure in relation to the executive authorities. The view from this angle influenced the selection of personnel, the system of relations between the provincial/county executive committees and the police, and the list of duties not related to law enforcement activities, but assigned by the latter to the police. The aim of the work is to reconstruct the main problems associated with the implementation of police officers of their professional activities in the period after the Civil War – a time by which we can safely say about the existence of a stable police system. As a result, a conclusion is drawn about the suboptimal approach of local authorities to the regulation of daily work and the formation of law enforcement agencies, as a result of which their capabilities were significantly limited.

Key words: militia, criminal investigation, Central Chernozem region, NEP, VKP(b), history of internal affairs bodies.

История правоохранительных органов и эволюция методов противостояния преступности в 1917–1920-е гг. в последнее десятилетие переживает рост неподдельного исследовательского интереса – как ведомственных, так и гражданских историков. В частности, В. Н. Колемасов [1] занимался вопросами взаимодействия органов милиции и государственной безопасности, П. С. Рахманов исследовал судьбы бывших полицейских после Февральской революции 1917 г. [2], Н. Н. Петрыкин – влияние революции на правоохранительную практику на железнодорожном транспорте [3]. Изучаются правоведческие вопросы, связанные с особенностями уголовного процесса [4], отдельные аспекты взаимосвязи социально-экономических процессов и криминогенной ситуации [5], а также методология изучения советской милиции [6], региональные аспекты формирования правоохрани-

тельной системы [7]. В рамках представленной работы деятельность милиции рассматривается через призму взаимоотношений с партийно-государственными органами.

Выбор географических границ исследования обусловлен сходными социально-экономическими и политическими условиями, включая вовлеченность черноземных губерний в Гражданскую войну в качестве театра военных действий. Последнее обстоятельство прямо повлияло на темпы и характер строительства органов милиции.

В качестве источниковой базы использована преимущественно служебная документация милиции, включая доклады политсекретариатов и начальников губернских милиций, сводки о состоянии преступности и т. п. С учетом закрытого характера документов, многие из которых имели грифы секретности, они хранят исключительно важные сведения, касающиеся повседневной деятельности милиции, ее насущные проблемы, подтверждаемые конкретными

фактами. Автор заранее обговаривает – динамика, состояние, структура преступности данного периода выносятся за скобки и являются предметом отдельного исследования, частью уже опубликованного, в том числе на страницах этого журнала [8; 9].

С момента утверждения большевистской власти милиция рассматривалась ей как вспомогательный административный аппарат. Это имело несколько следствий: привлечение милиционеров для правоохранительной работы, сокращение возможностей осуществления непосредственных обязанностей и использование партийными «шишками» милицейского аппарата в личных целях. Уже в 1919 г. работники милиции жаловались на советские органы, вынуждавшие их принимать участие в самочинных обысках и арестах [10, с. 18].

Еще в 1918 г. соответствующим Постановлением НКВД и Наркомюста от 20 октября местные Советы получили право назначения и увольнения руководителей губернских, уездных и городских управлений милиции [11, с. 1036]. Впоследствии широкие полномочия местных органов власти по отношению к милиции были подтверждены в Положении о Рабоче-Крестьянской милиции, принятом в 1920 г.

Второстепенное положение правоохранительной системы хорошо прослеживается и по протоколам губернских партийных конференций – проблемы строительства правоохранительной системы здесь почти не обсуждались. Не удивительно, что и финансирование службы велось по остаточному принципу. Положение милиции оказалось настолько скромным, что в отечественной историографии появилась концепция о нерассмотрении ее как штатного государственного органа [12].

Реанимировать милицию пытались через неоднократные организационно-штатные изменения. К примеру, на протяжении 1918–1926 гг. Курская милиция реорганизовывалась пять (!) раз – от уездного отдела управления до Административного отдела Курского уездно-исполнительного комитета Совета РККД [13, с. 63]. Органы власти считали себя вправе осуществлять всестороннее вмешательство в жизнь и деятельность милиции. Секретарь Воронежского губкома Агеев в октябре 1921 г. прямо вменил укомпартам в обязанность осуществление фактического и политического контроля над милицией [14, л. 32]. Зафиксированы попытки использования милиции для сведения личных счетов. Уездные комитеты напрямую вмешивались в кадровую политику милиции, стремясь отдать руководство местной милицией в руки «своих» людей.

Насколько контроль милиции со стороны губернских и уездных/областных и районных властей способствовал поддержанию эффективности милицейской работы? Думается, ответ очевиден. Особенно в

свете сверхвысокой текучки кадров, обычной неграмотности многих милиционеров (согласно данным политсекретариата Тамбовской губернии, летом 1921 г. в губернии оставались неграмотными до четверти милиционеров [15, л. 15]) и размытой природы советской милиции. Милиционеры и сами едва понимали свои права и обязанности. В 1922 г. в отчете Воронежского губернского отдела Управления отмечалось: «Милиция до последнего момента... не могла выявить существо своего назначения, не имела точно очерченного круга обязанностей, который временами то расширялся, то суживался, в силу ряда постановлений Центральных органов власти. Распоряжения местных властей еще более искажали смысл назначения...» [10, с. 21].

Раздражение милиционеров всех уровней вызывал нарастающий вал отчетности. Многочисленные бумаги направлялись в губмилицию, уездные комитеты партии, контрольно-надзорные органы. По оценкам автора данной работы, к 1924 г. органы милиции обязывались подавать порядка двух десятков форм отчетов. Кроме того, тщательно проверялось ведение расходно-приходных тетрадей, послужных списков и учетных карточек, расхода бланков и домовых книг, книг по хозяйственной части и т. п. [16, л. 8].

Значительно, по сравнению с дореволюционным временем, возросли масштабы привлечения органов внутренних дел к подавлению крестьянских восстаний. С 1920 г. милиция регулярно участвовала в подавлении беспорядков, возникающих на фоне продовольственной разверстки. Нередко милиция выступала в качестве приданных сил для войск и подразделений ЧК.

Сохраняла остроту и напряженность проблема детской беспризорности. В. А. Менжулин отмечает по этому поводу: «По данным официальной статистики, общее количество беспризорных в Воронежской губернии в 1921 г. составляло около 35 тыс. человек. Из них от 21 691 до 24 096 (сведения разнятся) находились на полном иждивении государства в 208 детских учреждениях закрытого типа (детдома, приемники, распределители), а 10 тыс. ожидали приема в них» [17, с. 156]. С массовой детской беспризорностью (фактически являющейся поставщиком кадров для преступности) пришлось столкнуться и Тамбовской губернии [18, с. 267]. В Орловской губернии милиция в начале 1920-х гг. не только боролась с детской преступностью, но и оказывала материальную помощь детскому дому № 8, обеспечивая детей продуктами, дровами, выделяя деньги на различные расходы [19, л. 70].

Советская милиция к середине 1920-х гг. физически не справлялась со значительно возросшим по сравнению с дореволюционным периодом объемом

работ. Установленные штатные нормы милиции – к слову, довольно скромные (1 милиционер на 5000 человек населения), сочетались с материальными затруднениями. Волостные милиционеры, малочисленные и пешие, заваленные заявлениями, были лишены возможности своевременной явки на место преступления, что в ряде случаев делало раскрытие преступления невозможным. Как отмечается в исследовательской литературе, обеспечение гарантий прав личности и имущественных интересов граждан проходило в исключительно противоречивых условиях [20, с. 34].

Чем еще грозила малочисленность милиции? Из представленных в документациях сведений мы отмечаем, что в подавляющем большинстве столкновений с преступниками милиция находилась в меньшинстве, нередко в одиночку. В лучшем случае на помощь выделялись сельские исполнители. На протяжении 1920-х гг. десятки милиционеров были убиты при задержании, так как находились в меньшинстве против хорошо вооруженных и сплоченных преступников: как в городах, так и в сельской местности. Так, сотрудник УГРО был вынужден предпринять попытку в одиночку взять бандитов в селе Козьмо-Демьянке, что закончилось перестрелкой и уходом бандитов [21, л. 10 об.]. Аналогичным образом ситуация сложилась в Давыдовской волости, где, получив сведения от сельсовета о прибытии банды, также в качестве помощи получил только одного сельисполнителя (к слову, сумевшего ранить Сергея Рыжкова, каковой и был задержан). И что самое поразительное – оставшихся двух бандитов также взял в одиночку агент волостного УГРО.

В то время как в 1924–1925 гг. нарушения процессуальных сроков расследования имели систематический характер, прокуратура требовала высоких формальных показателей. Промедления по резонансным делам, получившим освещение в газетах, карались арестами и строгими выговорами – несмотря на всеобщее признание перегруженности милиции. Палочная система вынуждала заниматься малозначительными делами ради отчетности, вместо того чтобы работать над раскрытием преступлений.

Нищенское обеспечение, опасная сама по себе работа и нескончаемый поток обязанностей, включая бумажную волокиту, – не самый лучший фундамент для строительства эффективной службы. Руководство воронежской милиции в начале десятилетия открыто говорило об апатии милиционеров и многочисленных фактах халатного отношения к службе, исключительно плохом знании нормативной базы, регламентировавшей их деятельность. В частности, в приказе начальника Воронежской губмилиции на 7 февраля 1921 г. записано: «Замечено мною, что постовые милиционеры, занимающие посты при губмилиции,

весьма слабо знакомы с обязанностями постового милиционера, на посту держат себя распушенно и небрежно, нередко выпуская из рук винтовку, далеко отходя от места своего поста, вступая в праздные разговоры» [22, л. 40]. Участвовавшие проверки уездных милиций могли дать только краткосрочный эффект. Поиск «крайних» и снятие их с должностей не меняли общих тенденций. Требовалась обширная программа социальных решений, направленных не только на повышение кадрового и материального потенциала правоохранительных органов, но и предупреждения самой преступности, в частности, бандитизма.

Бандитизм в значительной мере дезорганизовывал повседневную жизнь в сельской местности. Наиболее действенным способом ликвидации банд считались сводные отряды из мобильных групп ГПУ и милиции. Группы до 50 бойцов, вооруженных как винтовками, так и пулеметами, осуществляли разведку, собирая сведения о численности, руководстве, составе и передвижении банд. При необходимости устраивались лесные засады и облавы [23, л. 560]. В первой половине 1920-х гг. ликвидация банд в уездах происходила путем многокилометровых преследований, заканчивавшихся открытыми боестолкновениями. В частности, подобным образом ликвидировались банды Дергача севернее Кантемировка [24, л. 117], Каменка в Калачеевском уезде [25, л. 5] и т. д. Привлекались сотрудники губотдела ГПУ, выкуривая бандитов из крестьянских домов. При этом кавалерийские отряды нередко не поспедали за бандитами по горячим следам.

С помощью негласных осведомителей и агентуры следили за очагами возникновения бандитизма [26, л. 2], вели учет преступников и притонов. На их основе проводились операции «по изъятию преступного элемента», фильтровались задержанные.

В середине 1920-х гг. работа уголовного розыска в рамках профилактического направления включала в себя учет преступников и притонов, проверку старых зимних притонов, выявление притонов в садах, лесах, дачах, разрушенных постройках и т. д., учет приемщиков краденого, налаживание связи и обмена информации с уездами, выявление пришлого элемента, развитие секретного осведомления, внедрение в банды. В немалой степени итоги напряженной оперативной работы смазывали периодические амнистии. Губернская комиссия по борьбе с уголовной преступностью обращалась в губисполком с ходатайством об изъятии преступников из губернии [27, л. 26]. Решать проблему пытались административным выдворением профессиональных преступников за пределы губернии (середина 1920-х гг.). В канун наступления религиозных праздников усиливались пешие наряды милиции у людных объектов – напри-

мер, базаров или вокзалов. Розыск усилил надзор за гостиницами и трактирами, ресторанами и постоянными дворами [28, л. 2 об.].

Политическая и экономическая зависимость милиции от местных властей нашла отражение в неадекватном объеме отчетной документации и огромном массиве работ, не имеющем никакого отношения к правоохранительной деятельности. С самого начала десятилетия милиционеры стали выполнять поручения по контролю за выполнением Губисполкома и распоряжениями центральных властей – например, в 1920 г. милиция пресекала торговлю свеклой, проверяла выход людей на работу, следила за качеством выпекаемого хлеба и санитарным состоянием пекарен, осуществляла контроль за выкапыванием и продажей торговли картофеля [29, л. 189], участвовала в сенокосах [30, л. 26 об.], привлекалась для проведения продовольственных кампаний. Вредило работе вмешательство партийных работников в кадровую политику. Начальник воронежской губмилиции открыто указывал, что «работа милиции вследствие нецелесообразных назначений и перемещений начальствующих лиц, руководящих всю деятельность милиции в губернском масштабе, крайне расшатана» [31, л. 72].

По разным оценкам, около половины всего объема сделанной милицией работы к середине 1920-х гг. не относилось к противодействию преступности и охране общественного порядка. Во многом, по мнению И. В. Токмакова, это произошло из-за материальной зависимости милиции от местных властей [13, С. 56].

Согласно докладу Воронежской губернской прокуратуры за первое полугодие 1925 г., основная нагрузка милиции в уездах – это исполнительные листы, притом что это должна быть побочная работа. Громадная отчетность и чрезмерная загруженность являлись одной из причин массового ухода сотрудников со службы. Впрочем, и следственный аппарат был далек от идеального – во многом из-за отсутствия должной юридической подготовки. Воронежский губернский прокурор, посетив в 1925 г. Новохоперский уезд, остался крайне недоволен работой органов юстиции: «Следаппарат – неудовлетворительный в целом, как результат отсутствия юрподготовки, экспертов по хозяйств. делам, литературы вообще и командированных, ввиду громадной территории» [32, л. 20].

К 1922 г. милиция повсеместно выполняла поручения Отделов Управления, юстиции и ГПУ [33, л. 10], хотя ст. 130 УПК РСФСР 1922 г. указывала, что вручение извещений судебных органов может возлагаться на милицию только в сельской местности, если нет почтовой связи. Тем временем милиционеры повсеместно использовались в качестве

разносчиков повесток, извещений и т. п. судов, прокуроров, следователей. В 1925 г. на съезде административных работников Курской губернии также отмечалось, что работников милиции и уголовного розыска регулярно отправляли на работы, не связанные с правоохранительной деятельностью [13, с. 107–108]. Руководство милиции на подобные акции реагировало нервно.

Круг обязанностей милиции был внушителен, поэтому неудивительно, что немногочисленный штат сотрудников не мог полностью сосредоточиться на своей основной работе – борьбе с преступностью. Досаждали вмешательство прокуратуры и начавшаяся в 1928 г. административная реформа, потребовавшая перестройки текущей деятельности в соответствии с новыми границами, которые далеко не всегда совпадали с привычными границами волостей и уездов. Неприятным следствием вышеописанной ситуации было негативное отношение к деятельности милиции местного населения, которое не желало вникать в существующие трудности и требовало немедленного улучшения ситуации.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июля 1924 г. органам милиции было предоставлено право наложения штрафов. Впоследствии права милиции по надзору за исполнением обязательных постановлений местных Советов по вопросам охраны общественного порядка и наложению административных санкций были расширены.

На рубеже 1920–1930-х гг. сотрудники НКВД привлекались к посевным кампаниям, в частности, охраняя колхозные склады, взыскивания просроченные семенные ссуды. Приходилось оказывать содействие проведению гужевой повинности по перевозке семенного материала и сельскохозяйственных орудий, соблюдению сроков отправки сельскохозяйственного инвентаря и минеральных удобрений. Загрузка правоохранительных органов несвойственными им функциями была характерна не только для Черноземья – об аналогичных тенденциях сообщали, в частности, из Сталинградского округа Уральской области [34, с. 41].

В 1928 г. начальник адмотдела ЦЧО Мазуров отмечал, что в связи с разного рода кампаниями – по платежам, хлебозаготовкам и т. д. – начальники уголовного розыска, инспекторы, агенты, начальники районных отделений, их помощники находятся в длительных командировках. Он просил не допускать снятия сотрудников милиции и розыска без согласия Областного адмотдела и освободить милицию и розыск от всякого рода кампаний [35, л. 97]. На протяжении всего рассматриваемого периода милицией выполнялся непомерно широкий перечень задач – от проверок состояния сельскохозяйственного скота до надзора за раскулаченными.

Представляется разумной и полезной практика регулярных совещаний при воронежском губернском прокуроре, посвященных борьбе с преступностью, созывавшихся в середине 1920-х гг. На совещаниях присутствовали представители ОГПУ, прокуратуры, милиции, уголовного розыска. Документы свидетельствуют об остроте проводимых встреч. В ходе их проведения решались текущие проблемы правоохранительной деятельности и способы борьбы с преступностью, обсуждались проблемы взаимодействия служб. В 1925 г. Административный отдел выражал крайнее неудовольствие отношением судов и прокуратуры к уголовному розыску. Это проявлялось в усиленном давлении на работников розыска по любой грубости в отношении к бандиту – даже в момент задержания. Прокуратура буквально преследовала сотрудников милиции, применяя несоизмеримые наказания за совершенные правонарушения, включая меру пресечения в виде лишения свободы в одних камерах с преступниками.

Немалое раздражение вызывал уход преступника от ответственности по вине судей и следователей, отпускающих преступников под подписку, или в результате халатности охраны [36, л. 52 об.].

Уездные милиции в середине десятилетия испытывали повсеместные трудности в кадрах, деньгах и средствах передвижения. Об этом прямо упоминается на губернских совещаниях. Заметное раздражение Уголовного розыска вызывала рецидивная преступность, причины которой виделись в работе судебной системы, освобождавшей преступников под подписку о невыезде и досрочно из мест лишения свободы [37, л. 21]. Только за первое полугодие 1926 г. распределительной комиссией были удовлетворены 506 заявлений об условно-досрочном освобождении из 996 (при 6700 заключенных) [38, л. 65], что сводило на нет оперативную работу. Милиция неоднократно выражала недовольство либеральностью прокуратуры и суда мягкостью наказаний по отношению к рецидивистам.

Некоторую остроту в милицейскую работу внесла областная реформа 1928 г., сопровождавшаяся то созданием, то ликвидацией отдельных административных единиц, следом за которыми менялось организационное построение милиции, включая зоны территориальной ответственности.

Глава воронежского УГРО Тимашев полагал, что причиной низкой эффективности правоохранительной деятельности являлись низкие зарплаты сотрудников, частые амнистии, несвоевременные рассмотрения дел в судах, освобождение арестованных [39, л. 3, 3 об.]. Вместе с тем очевидны тенденции к организации методичности работы, согласованности действий между отдельными уездами/районами, налаживанию эффективной системы учета и характе-

ристики преступности (включая сведения о количестве приводов и судимостей, характеристику уголовного прошлого) [36, л. 28, 23 об.]. В силу исключительной неэффективности судебной системы милицией неоднократно ставился вопрос о высылках преступников из губернии.

Не в полной мере могла быть довольна своей работой и сама милицейская система. Качество оперативной работы в значительной мере упиралось в кадровый некомплект и высокую текучесть кадров – не хватало сотрудников для контроля за потенциальными преступниками, наблюдения за притонами «гастролеров». Приходилось испытывать трудности при задержании преступников – к примеру, задержание хулиганов почти повсеместно осуществлялось в одиночку. Из Тамбовской губернии сообщали, что население в таких случаях предпочитало уклоняться от помощи милиционерам [40, л. 256].

Тем временем к началу ускоренной модернизации сложились неблагоприятные факторы, негативно сказавшиеся на общей криминогенной обстановке в стране: рост социальной напряженности, связанной с коллективизацией, отсутствие значительных успехов в повышении профессионализма работников милиции и чрезмерное привлечение их к демонстративным мероприятиям политического характера. Недостаточная эффективность в профилактике и предупреждении преступности была связана с кадровым составом милиции. Вплоть до 1950-х гг. большинство сотрудников милиции губернии не имели не только юридического образования, но даже и оконченного среднего. Проблему усугубляла навязчивая идея компартии о необходимости комплектования органов милиции преимущественно представителями рабочих и сельской бедноты, не всегда владевших грамотой, что наносило ущерб не только оперативной работе, но и авторитету милиции в целом. Нельзя не согласиться с В. П. Пашиным: «Кадры сформированной милиции на основе классово-партийных подходов, а не профессиональных умений и навыков, не в состоянии были погасить волну экономической преступности. Не только прежний опыт работы, но и материальная часть прежних правоохранительных структур в первые годы советской власти уничтожалась, что также не могло отрицательно не сказаться на общей криминогенной обстановке в стране» [7, с. 29]. Переход от полиции к милиции проходил исключительно болезненно – потеря опытных сотрудников, служивших до 1917 г., потребовала немало времени для восполнения утерянного кадрового потенциала. В частности, в 1923 г. Управление Тамбовской губмилиции было вынуждено признать, что даже значительная часть районных начальников милиции и их помощников по своему опыту и знанию дела «не соответствуют своему назначению» [41, л. 2].

Как следствие, искусству милицейского дела пришлось обучаться во многом за счет собственного опыта, а борьбу с преступностью вести подвигом и «кампаниями». Так, в 1928–1931 гг. в связи с усилением бандитизма, в том числе повстанческого, являвшегося следствием «перегибов», были созданы ударно-оперативные группы. Операции проводились в наиболее пораженных бандитизмом районах. Опергруппами проводились повальные облавы на бандитов, изымалось и возвращалось владельцам награбленное имущество [42]. К примеру, в 1929 г. для ликвидации преступности в пораженных районах области – Новохоперском, Павловском и Елань-Коленовском – по предложению областного админотдела была создана оперативная группа из трех окружных работников, которая в течение месяца задержала 33 бандита различных формирований [43, л. 88]. Ранее две ударные группы работали в Россошанском и Острогожском округах. За два месяца в одном только Острогожске были ликвидированы 14 банд. Раскрыто свыше 40 ограблений, арестованы более 100 бандитов. В Россошанском округе ликвидированы 17 бандитских шайк, арестованы 18 поджигателей. В частности, взята «известная банда» Зубкова и Громова численностью в 16 человек. Преступники подозревались в совершении многочисленных разбойных нападений, сопряженных с убийствами [44].

Несмотря на все имевшиеся сложности, на рубеже 1920–1930-х гг. работа милиции по охране общественного порядка стала более слаженной и методичной. Это выразилось и в действиях уже упомянутых ударных групп по борьбе с бандитизмом, и в совершенствовании профилактической работы милиции. В частности, в 1932 г. по инициативе милиции на проспекте Революции установили витрину с фотографиями злостных хулиганов. О нарушителях общественного спокойствия стали сообщать по месту их работы, начав взаимодействие с трудовыми коллективами. Увеличилось количество пеших патрулей. Кроме милиционеров, в них входили члены Бригад содействия милиции, комсомольцы и рабочие городских заводов. Только в мае того же года совместными усилиями на городских улицах за хулиганство были задержаны 1856 чел. Из них 810 привлечены к ответственности в административном порядке (средняя сумма штрафа – 2–3 рубля), 583 оштрафованы на месте, на 463 нарушителя заведены уголовные дела. К наиболее злостным применена ссылка [21, л. 113].

Упорядоченный и системный вид приобрел анализ криминогенной обстановки, включая типологизацию преступлений по их видам и тяжести, географии совершения, использованию оружия, выявлению доли профессиональных преступников.

Отдельный и исключительно важный вопрос в правоохранительной деятельности составляла проблема регулирования оружия. К ее решению советские органы приступили уже осенью 1918 г. На протяжении 1918–1920 гг. Совнарком рядом декретов, в том числе декретом от 10 декабря 1918 г. «О сдаче оружия», декретом «Об охоте», попытался урегулировать соответствующий вопрос. Укрывательство оружия, задержка его сдачи или противодействие сдаче карались как тяжкое преступление лишением свободы на срок до 10 лет. Проведение работы по выявлению фактов незаконного хранения оружия первоначально возлагалось на ВЧК.

Летом 1920 г. от имени Воронежской губернской ЧК в «Воронежской Коммуне» опубликовано сообщение, извещавшее заинтересованных лиц об аннулировании ранее выданных разрешений на ношение оружия. Всем гражданам, имеющим оружие, кроме военных, работников губкома и губисполкома, предписывалось в течение трех дней зарегистрировать его в Комендантском Отделе Губчека, предоставив ранее выданные документы на право его ношения. При отсутствии права ношения оружия его следовало сдать в ЧК в 24 часа [45, л. 38]. Исключение было сделано для членов партии [46, л. 11 г]. 3 июля 1921 г. последовал новый Приказ Воронежской губернской ЧК за подписью Кандыбина. Он предписывал гражданам, имеющим оружие, патроны или иное воинское снаряжение или полученное в ходе взаимодействия с бандитами имущество, добровольно сдать в местные органы власти. Нарушение правил регистрации проживания, въезд или выезд без документов, допуск незарегистрированных лиц на свою жилплощадь, несвоевременная сдача оружия влекли за собой признание нарушителя активным бандитом и наказание вплоть до расстрела на месте [47, л. 48]. Аналогичные меры, согласно приказу губернской ЧК от 8 июля 1921 г., предусматривались для повстанцев, их укрывателей и домовладельцев, допустивших хранение оружия. Необходимо добавить – на руках у населения осталось так много оружия, что на протяжении всех 1920-х гг. и даже начала 1930-х гг. милицией ежемесячно изымались десятки (а иногда и сотни) единиц оружия и боеприпасов. Массовость и бесконтрольность хождения оружия подпитывала существование банд, расширяла их возможности и причиняемый ими вред.

Подводя некоторые итоги, можно сказать – вплоть до начала 1930-х гг. советская милиция находилась в стадии своего становления. Кадровый голод и проблемы материальной обеспеченности в значительной мере блокировали раскрытие всего потенциала правоохранительных органов. Доминирование местных властей в поле взаимоотношений с милицией значительно ограничивали возможности предупреждения

и раскрытия преступлений. Требовалось признание органов внутренних дел такой же ценной и значимой единицей, как и другие государственные структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колемасов В. Н.* Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) / В. Н. Колемасов // *Lex Russica*. – 2016. – № 7 (116). – С. 85–92.
2. *Рахманов П. С.* Бывшие сотрудники МВД Тамбовской губернии после Февральской революции 1917 г. / П. С. Рахманов // *Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2021. – Т. 26, № 194. – С. 194–205.
3. *Петрыкин Н. Н.* Преодоление последствий слома правоохранительной системы Российской империи на железнодорожном транспорте в первые годы советской России / Н. Н. Петрыкин // *Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 1304–1314.
4. *Окунева М. О.* Должностные лица как специальный субъект преступления в советском уголовном праве периода НЭПа / М. О. Окунева // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право*. – 2018. – № 1. – С. 229–236.
5. *Богданов С. В.* Безработица и преступность в СССР (1921–1928) / С. В. Богданов, П. М. Ельчанинов // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Право*. – 2016. – № 22 (243). – Вып. 40. – С. 161–166.
6. *Кудрявцев Н. В.* Теоретико-методологические подходы историков к изучению органов Советской милиции 1917–1920 гг. / Н. В. Кудрявцев // *Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П. П. Ершова*. – 2012. – № 2. – С. 78–84.
7. *Пашин В. П.* К истокам становления и деятельности советской милиции (на материалах Курского края) / В. П. Пашин // *Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 1070–1080.
8. *Зверков Е. А.* Состояние и структура преступности в Воронежской губернии в первой половине 1920-х годов / Е. А. Зверков // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология*. – 2021. – № 4. – С. 27–33.
9. *Зверков Е. А.* Коллективизация как форма провокации преступности (на материалах Центрального Черноземья) / Е. А. Зверков // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. – 2022. – № 4. – С. 84–91.
10. *Алексанян Н. А.* Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917–1922) / Н. А. Алексанян // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 11 (61). – Ч. II. – С. 16–27.
11. Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции (инструкция) // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*. – М., 1942. – С. 1031–1037.
12. *Соловьев В. В.* Организация и правовое регулирование дознания в 1917–1920 гг. / В. В. Соловьев // *Наука и образование : современные тренды*. – 2015. – № 3 (9). – С. 36–46.
13. *Токмаков И. В.* Становление и деятельность органов советской милиции 1917–1930 годов : на материалах Центрального Черноземья : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Токмаков. – Курск, 2003. – 195 с.
14. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 345.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. Р-393. – Оп. 23а. – Д. 115.
16. ГА РФ. – Ф. Р-393. – Оп. 23а. – Д. 486.
17. *Менжулин В. А.* Проблема детской беспризорности и подростковой преступности на территории Воронежской губернии в 1920–1930-е гг. : истоки и поиски путей преодоления / В. А. Менжулин // *Известия ВГПУ*. – № 4 (293). – С. 154–162.
18. *Щербинин П. П.* Дети-сироты в годы Гражданской войны : от беспризорности к концлагерям / П. П. Щербинин, А. И. Чубаров, Ю. В. Щербинина // *Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2019. – Т. 24, № 182. – С. 260–271.
19. ГА РФ. – Ф. Р-393. – Оп. 23а. – Д. 531.
20. *Камалова Г. Т.* Специфика реализации правоохранительной функции Советским государством в условиях НЭПа / Г. Т. Камалова // *Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право*. – 2006. – № 5 (60). – С. 33–41.
21. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1957.
22. Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО). – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 120.
23. ГА ВО. – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 456.
24. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 469.
25. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 468.
26. ГА ВО. – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 527.
27. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1031.
28. ГА ВО. – Ф. Р-5. – Оп. 1. – Д. 1.
29. ГА ВО. – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 9.
30. ГА РФ. – Ф. Р-393. – Оп. 23 а. – Д. 442.
31. ГА ВО. – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 421.
32. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1278.
33. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 448.
34. Состояние и работа местных органов НКВД // *Административный вестник*. – 1930. – № 4. – С. 29–49.
35. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 126.
36. ГА ВО. – Ф. Р-5. – Оп. 1. – Д. 2.
37. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1576.
38. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1579.
39. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1979.
40. Государственный архив Тамбовской области. – Ф. Р-395. – Оп. 1. – Д. 378.
41. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. – Ф. П-840. – Оп. 1. – Д. 1931.
42. Ликвидировано 55 бандитских шаяк // *Коммуна*. – 1929. – № 85 (2824). – 14 апр. – С. 4.
43. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 510.

44. Ликвидация 31 бандитской шайки // Коммуна. – 1929. – № 7 (2746). – 10 янв. – С. 4.
45. ГА ВО. – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 9.

Воронежский институт МВД России
Зверков Е. А., кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных, экономических и
правовых дисциплин
E-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

46. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 151.
47. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1030.

Voronezh Institute of Russian Ministry of Internal Affairs
Zverkov E. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociohumanitarian, Economic and Law Disciplines
E-mail: ZverkovPhD@yandex.ru